

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В99

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Горбачика*

Вязовский, Алексей Викторович.

В99 Я спас СССР. Том II / Алексей Вязовский. — Москва :
Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-110926-4

Второй шанс пожилого учителя истории. Его Родину уничтожили, его народ вымирает. Пути назад нет, надо спасать страну.

Пленка с планами заговора, попавшая в руки комсомольца Русина, заставляет его ступить на тропу войны. Вопрос «на чьей он стороне» не актуален — ему точно не по пути с людьми, готовыми убить Хрущева ради собственных амбиций. Но готов ли сам Русин пролить кровь заговорщиков ради спасения страны?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вязовский А., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110926-4

Глава 1

*Напрасно разум как ни мучай,
грядущих лет недвижна тьма,
рулетку жизни вертит случай,
смеясь убожеству ума.*

И. Губерман

— Ну же! И раз, и два!

Я давлю на грудь Аджубея, тело мужчины трясется, глаза невидяще смотрят вверх.

«Живи! Не сдавайся! — Продолжаю делать массаж сердца. — И раз, и два...»

Вокруг с ошалевшими лицами бегают сотрудниками «Известий», кричат, суетятся... Седов крутит диск телефона, пытаюсь дозвониться до «Скорой», кто-то дергает фрамугу окна, чтобы пустить больше воздуха в кабинет главного редактора газеты. Этот самый редактор сейчас умирает у меня на руках.

А началось все так.

Рано утром 17 июля, прихватив диктофон с пленкой, я помчался в «Известия». На пленке Брежнев, Семичастный и Шелепин обсуждали убийство Хрущева. Компромат убойный, в буквальном смысле. На дворе середина лета 1964 года — а уже в октябре должны снять Никиту Сергеевича и заменить его «дорогим» Леонидом Ильичом. Мирно и без крови. Должны были... если бы не один «корректор реальности» — молодой человек по имени Алексей Русин. Студент журфака МГУ и стажер газеты. А заодно пожилой школьный учитель из будущего.

«Корректор реальности» вообразил себя богом и начал двигать историю по другому пути. Тайно слил английской журналистке выдуманный компромат на председателя КГБ, добился его отстранения от должности. И вот все покатилося к чертям. Заговорщики испугались и пошли по более жесткому пути — решились на убийство главы государства.

Я об этом узнал совершенно случайно. 16 июля приехал записывать мемуары Брежнева — и оставил включенный диктофон, когда к Леониду Ильичу явились друзья-заговорщики. Вуаля, у меня на руках оказалась бомба замедленного действия. Которая, не дожидаясь, рванула в кабинете главного редактора «Известий».

Так что утром 17 июля я уже сидел в приемной зятя Хрущева. Аджубей оказался ранней пташкой — пришел задолго до секретарши. Удивленно посмотрел на меня. Я глубоко вздохнул, решаясь.

— Ко мне?

— Да, Алексей Иванович. — Я сделал шаг вперед, в кабинет. Все, дорога назад отрезана.

Редактор мне сразу показался нездоровым. Одышливый, покрасневший. Явно высокое давление на фоне избыточного веса. К тому же от мужчины ощущимо пахло перегаром — похоже, вчера много пил.

— Ну, заходи, тезка...

Мы вошли в кабинет, Аджубей грузно опустился в кресло за рабочим столом. Я примостился рядом на стуле, поставил на столешницу диктофон «Филипс».

— Прочитал твое интервью Седову. — Редактор закурил, пустил струю дыма в сторону окна. — Надо связаться с Михалковым и попросить его о комментарии. Дадим врезкой к интервью.

— Комментарий про что?

— Как про что? Ты же его слова в гимне СССР поправил? Авторское право у нас еще никто не отменял.

— Допустим, он против. — Я, разозлившись, поднял глаза к потолку. Не о том говорим. Какая ерунда — будут у гимна страны новые слова или нет. Самой страны через двадцать семь лет не станет. А теперь, может, даже раньше. Я потрогал рукой клавиши «Филипса». Пальцы чуть подрагивали.

— Тогда я не знаю, что делать. — Аджубей глубоко затянулся сигаретой. — Без одобрения Михалкова скандал случится.

— Никита Сергеевич уже велел записать новые слова хору Александрова. — Я пожал плечами. — Михалков что, с ним теперь спорить будет?

— Я знаю. — Редактор раздраженно вдавил сигарету в пепельницу. — Брежневу вечно больше всех надо, везде лезет, во все свой нос сует. С гимном надо было сначала ко мне прийти!

Кем себя Аджубей воображает?! Вообще-то Брежнев сейчас — второй человек в государстве... А совсем скоро может и первым стать. Я еще раз тоскливо посмотрел на диктофон.

— Это случайно получилось на приеме у Фурцевой. Экспромтом.

— А нам потом этот экспромт разгрести! Ладно, выкладывай, с чем пришел?

Я побарабанил пальцами по столешнице. Включать пленку или нет? Слишком уж Аджубей слаб и боязлив. В моей реальности он тоже узнал заранее о заговоре, но испугался и ничего не сделал, чтобы спасти тестя. Наверное, я зря с него начал. Ладно, прогонит — пойду к Мезенцеву. Генерал — мой последний шанс.

— Пришел с бедой.

— Ну давай, не тяни kota за яйца.

— Я был у Брежнева дома... записывал его мемуары. И на пленку случайно попал вот этот разговор. — Я нажал на кнопку воспроизведения.

Раздались голоса Шелепина и Семичастного. Аджубей явно узнал их, удивленно поднял брови. По мере разговора челюсть редактора «Известий» поехала плавно вниз, глаза округлились. Он еще больше покраснел, нервно ослабил воротничок рубашки.

— Вот же сволочи!.. Никита вытащил их из грязи, перетащил в Москву, а эти мрази!..

Аджубей начал страшно ругаться. Такого грязного мата даже Русин в армии не слышал. Задрожали стекла от крика, редактор еще больше покраснел... Потом вдруг у него посинели губы, он начал хрипеть, схватился за грудь и повалился на пол.

Я бросился к двери в кабинет, заорал: «На помощь!» Аджубей все больше синел, и выхода у меня не оставалось — начал делать ему искусственное дыхание, непрямой массаж сердца. В кабинет сбежались сотрудники, вокруг нас поднялась суета...

Вот так все и началось.

И теперь я давлю на грудь Аджубея, а в голове у меня в этот момент почему-то звучит не СЛОВО, а песня британской группы Bee Gees — «Stayin alive». Под ее ритм, оказывается, очень удобно делать массаж сердца.

Наконец-то появляются врачи «Скорой». Мужчина в белом халате расталкивает толпу, наклоняется к телу.

— Что с ним случилось?

— Захрипел, посинел, упал. Вот, делаю массаж сердца и искусственное дыхание.

— Все правильно, продолжай.

Достает стетоскоп. Пока я делаю искусственное дыхание, расстегивает рубашку Аджубея, слушает сердце. Набирает в шприц с большой иглой прозрачную жидкость из ампулы. Колет прямо в сердце. Адреналин? Сотрудники дружно вздыхают.

— Забираем!

В кабинет вносят носилки, переключивают на них редактора. Тому явно стало получше, кожа немного порозовела, и задышал уже сам. Спустя минуту Аджубей открыл глаза, обвел нас всех мутным взглядом.

— Несем!

Санитары подхватили носилки, двинулись к двери.

— Подождите... — просипел редактор, цепляясь рукой за стул.

— Больной, не мешайте! Вас нужно срочно везти в больницу, вот, пока разжуйте аспирин.

Врач кладет в рот Аджубею таблетку. Тот ее выплевывает:

— Русин! Спаси Никиту. Он через четыре часа вылетает в Свердловск на встречу с немцами. Они сейчас, а не потом его уронят. Вешали лапшу Лене...

Все вопросительно смотрят на меня, а я чувствую, как ноги подгибаются. Что значит «сейчас»?!

— Так! Уносим, — командует врач. — У больного бред, такое бывает при гипоксии. Глотайте быстро аспирин, он кровь разжижает.

В рот Аджубея отправляется новая таблетка, редактор отцепляется от стула, и его наконец уносят. Сотрудники все еще стоят в шоке. Я тоже в ауте. Совсем не так я себе представлял развитие событий. В голове набатом начинает бить СЛОВО. Ну, здравствуйте, вышедшие силы, очнулись!

— Никита — это Хрущев? — первым сообщает Седов.

— Откуда я знаю? — Забираю «Филипс» со стола, иду к выходу. Надо спешить.

— Русин, ты куда?!

— Родину спасти...

* * *

До Лубянки, вернее до площади Дзержинского, дошел пешком. Благо идти не так далеко — мимо Дома Союзов и Большого театра, всего минут двадцать. Пока шел быстрым шагом по утренней Москве — судорожно размышлял. Если у Шелепина с Семичастным есть свой человек в охране первого секретаря ЦК и он может пронести, например, взрывчатку с таймером на борт самолета, то что заговорщикам действительно мешает убить Хрущева прямо сегодня? Обещание Брежневу? Ерунда! Скажут, что в последний момент переиграли. Слишком велик риск провала, если дожидаться поездки в Чехословакию.

Смотрю на часы. Сейчас восемь тридцать утра. Если Аджубей прав, то Никита улетает в Свердловск в полдень. Скорее всего, из Внуково-2. СЛОВО в голове согласно бьется. Да понял я, что надо спешить! Прибавляю шаг, вскоре перехожу на бег и притормаживаю только на Лубянке, перед входом в Большой дом. С проходной звоню по номеру, что мне дал Мезенцев, и, на мою удачу, отвечает Литвинов:

— Привет, Алексей! Что случилось?

— Срочно нужен Степан Денисович!

— Он сейчас на совещании.

— Андрей, оформи мне пропуск и спустись за мной. МНЕ ОЧЕНЬ НУЖЕН МЕЗЕНЦЕВ! СРОЧНО!

В трубке повисло молчание. Ну же... Ты же мне должен!

— ...Хорошо, я все сделаю.

Не прошло и десяти минут, как хмурый Литвинов действительно за мной пришел. Провел меня сквозь придирчивую охрану, поднялись на этаж, где теперь обитает генерал. Мезенцев уже явно вырос в иерархии КГБ. Большая приемная, много народу. Впрочем, в прошлый раз я был на Лубянке в воскресенье, так что сравнивать трудно. Смотрю на часы — уже около девяти. Время поджимает!

— Что случилось-то? — Литвинов выводит меня назад в коридор. — На тебе лица нет. Опять с диссидентами подрался?

Если бы...

— Имей в виду, Степан Денисович на тебя очень зол. Ходят слухи, — Литвинов понижает голос, — на тебя Второе управление дело завело. Подробиностей пока не знаю.

— Теперь уже плевать. — Я тру покрасневшие глаза. Ночью практически не спал. Сначала еще раз, тайком на кухне, прослушивал пленку. Потом меня мучила и пытала обеспокоенная Вика, которая проснулась и не обнаружила меня в кровати. Тут ее предчувствие снова сработало. Я же только отмалчивался. Не хватало еще и ее втягивать в это дерьмо.

Стоим, молчим. Ждем Мезенцева.

— А вот и Степан Денисович.

По коридору и правда идет мрачный Мезенцев. Генерал осунулся, на лице прибавилось морщин.

— Русин? Что ты тут делаешь?

— Дело жизни и смерти.

Я делаю глубокий вдох, стараюсь успокоиться. Надеюсь, генерала удар не хватит — они тут тренированные. Мезенцев внимательно на меня смотрит, открывает дверь.

— Ну, пошли.

— Товарищи, — генерал обращается к присутствующим. — Прошу прощения, срочное дело. Андрей, принимай звонки.

Мы входим в большой кабинет с длинным столом для совещаний. Книжные шкафы пусты, и вообще в помещении ощущается дух переезда. На полу — коробки с документами, на стенах заметны следы от висевших там ранее картин.

— Взял пока Литвинова к себе адъютантом. Препятствие с язвой в больницу слег. — Генерал усаживается за рабочий стол, кивает на «Филипс». — Ну давай уже, включай.

Догадливый. Я тяжело сглатываю.

— Был у Брежнева дома, он мемуары хочет написать про свое фронтовое прошлое.

Мезенцев насмешливо хмыкает.

— И вот что случайно попало на пленку. — Я жму кнопку воспроизведения. — А Хрущев сегодня в полдень летит в Свердловск.

Генерал слушает молча. Не ругается, ничего не спрашивает. Взгляд застыл, рука с силой сминает так и не зажженную сигарету. Запись заканчивается, я выключаю «Филипс». Мезенцев бросает быстрый взгляд на наручные часы.

— КТО ЕЩЕ ЗНАЕТ О ПЛЕНКЕ?!

Генерал с ходу ухватил главное.

— Аджубей. — Я повесил голову, тяжело вздохнул. — Первым делом пошел к нему. А у него... в общем, случился сердечный приступ. В больницу увезли.

— Слушали у него в кабинете?

— Да.

— Вы мудаки! И ты, и он.

— Зачем же так грубо?!

— Потому что кабинет Аджубея прослушивается! — Мезенцев бросил еще один взгляд на часы, что-то быстро подсчитал в уме, шевеля губами. — Значит, Захаров уже знает. Кабинет выведен «на кнопку», о таком ему сразу же сообщают. И хоть запись неважного качества, нам нужно готовиться к худшему.

Он швырнул смятую сигарету в пепельницу, открыл сейф. Достал вороненый «ТТ».

— Стрелял из такого в части?

— Да... — промямлил я. Черт, как все обернулось-то...

Взял пистолет, выщелкнул магазин. Он полный. Передернул затвор. Мезенцев вооружился таким же черным «ТТ».

— Аджубей сказал, что, поскольку Хрущев в полдень вылетает из Внуково, заговорщики...

— Рот закрый. Вы с Аджубеем уже нас всех закопали на три метра под землю.

— Нас? Вы с нами?

Генерал, не отвечая, берет трубку белого телефона с гербом.

— Павел Евсеевич? Доброе утро, Мезенцев. Звоню сообщить, что, в связи с осложнением оперативной обстановки в Москве, объявлена повышенная боеготовность по всем подразделениям... Да, и для вас в первую очередь. Поднимайте первый и второй полк в ружье, сажайте на «Уралы» и бэтээры и ждите приказа. Вам позвонит лично Никита Сергеевич и поставит задачу. Не отходите, пожалуйста, от вертушки. Да, личному составу пока можно сообщить об учениях.

— Я ничего не знаю. Но догадываюсь.

— Павел Евсеевич! Ладно, но только вам. Действуем по плану «Альфа-прим». Да, все так серьезно. Почему не Захаров звонит? Он экстренное совещание со все-

ми нашими службами проводит. Вы же знаете, какая у нас чехарда началась в связи с отстранением Семичастного. Я и сам только в курс дела вхожу. Все. Отбой.

Мезенцев смотрит на меня тяжелым взглядом, и я спрашиваю:

— Вы подняли в ружье дивизию Дзержинского?!

— Если бы ее не поднял я, то это сделал бы Захаров. И Семичастный — я его видел в здании с утра. И тогда они выполняли бы их приказание.

Да... Дела. Дивизия Дзержинского — это не армейцы, подчиняются напрямую КГБ. Базируются под Балашихой, им быстрым ходом сорок минут до Кремля. Что я устроил?! Так гражданские войны и начинаются.

Я осторожно кашлянул.

— Э... и что дальше?

— А вот что, — Мезенцев опять кому-то звонил. — Сергей Семенович? Доброе утро, Мезенцев. Уже по голосу догадываетесь?

Генерал грустно усмехнулся.

— Да, боевая тревога. Кремлевский полк — в ружье. Действуем по плану «Альфа-прим». Будьте пожалуйста, у телефона — Никита Сергеевич детали объяснит лично. Дивизию Дзержинского я тоже поднял. Так что... Да, вы все правильно поняли, могут появиться рядом с вами... Резкое осложнение оперативной обстановки. Это пока все, что я имею право сообщить. Да, ждите разговора с Хрущевым.

Я понял, что Мезенцев звонил коменданту Кремля. Всех поднял.

— А теперь последний, самый сложный звонок, и едем. — Генерал закрыл глаза, сделал глубокий вдох, выдох. Решительно набрал следующий номер. — Полковник Литовченко? Доброе утро. Да, Мезенцев. Никифор Трофимович, вы сейчас где? Во Внуково?

Отлично. Никита Сергеевич уже выехал? Интересно потому, что получена оперативная информация о готовящемся покушении. Почему я звоню, а не Захаров? Он как раз проводит совещание по этому вопросу с оперативным составом девятки. Да, проверяем, вводим усиленный режим. Нет, разворачивать кортеж не надо, ситуация под контролем. Сейчас я выезжаю к вам во Внуково. Я лично доложу Никите Сергеевичу всю информацию. А там уже сообща примем решение о полете... Предварительно?..

Первый раз вижу растерянный взгляд Мезенцева. Не рассказывать же ему по телефону детали с пленки. Шепчу:

— Албанский террорист-смертник, взрывчатка.

Генерал удивленно на меня смотрит, но повторяет:

— Албанский террорист-смертник. Со взрывчаткой. Да, внешнее оцепление будет бесполезным. Только предупредите насчет меня. А то еще с испугу подстрелят. Все, отбой, выезжаю.

— Так, — Мезенцев повесил трубку, опять взглянул на часы. — Полчаса он будет расставлять оцепление, встречать Хрущева. За это время мы постараемся добраться первыми до аэропорта с диктофоном. С албанцем ты, кстати, хорошо придумал! Поехали.

Рисковый все-таки он мужик! Я трясся, просчитывая варианты, а он моментально принял решение, поставил на уши дзержинцев и кремлевцев. Теперь все они будут ждать звонка Хрущева в полной боеготовности и посылать на три буквы Захарова с Семичастным с их приказами. Мы встали, я повесил «Филипп» на плечо. «ТТ» убрал в карман пиджака. Мезенцев же, покопавшись в одной из коробок, нашел наплечную кобуру. Надел ее, вложил пистолет. Сверху прикрыл пиджаком.